

Допетровская Россия глазами британцев

Автор: Т. Л. Лабутина

Лабутина Татьяна Леонидовна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Проблема этнических представлений занимает важное место в изучении межкультурных коммуникаций. Между тем, наука об исследовании этнических представлений ("имэджинология") принадлежит к числу новых, а потому еще слабо разработанных дисциплин. Одним из первых к данной теме обратился советский историк Н. А. Ерофеев. Его книга "Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825 - 1853 гг.", изданная более четверти века тому назад, продолжает сохранять не только историческую, но и методологическую ценность. Ученый справедливо подметил: "Этнические представления отражают не одну, а две реальности или, точнее, два народа, - и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение"¹. Вот почему, только учитывая двойственный характер этнических представлений, возможно с наибольшей долей объективности взглянуть на подлинную действительность одновременно избавляясь от тех наслоений и искажений, которые, как правило, заключены в этнических образах. Между тем, западные историки не всегда стремятся критически подойти к характеристикам России и русского народа, которыми наделяли в свое время их соотечественники. Яркий тому пример выступление на недавней международной конференции "Британия: история, культура, образование" профессора Кембриджского университета Э. Кросса, много лет работающего над темой межкультурной коммуникации Англии и России. Он представил картину этнических образов Московского и Российского государства, созданных англичанами на протяжении XVI - XIX веков. При этом заметный акцент был сделан на негативной стороне российской действительности и отрицательных чертах русского народа². В какой мере объективными были оценки допетровской России британцами, посетившими нашу страну в XVI - XVII веках? Можно ли вести речь о сложившихся, устоявшихся, но явно устаревших стереотипах подобных представлений? Ответам на эти вопросы посвящена данная статья.

В. О. Ключевский писал: "Ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из Западной Европы, как

стр. 24

отдаленная лесная Московия"³. Обобщенный образ Московского государства в Европе сложился к середине XVI в., благодаря сочинению австрийского дипломата С. Герберштейна "Записки о Московии" (1549 г.). Книга, в которой содержались сведения о географии страны, быте и нравах русского народа, пользовалась большим успехом на Западе: на протяжении XVI - XVIII вв. она была переиздана двадцать восемь раз. Интерес к России с течением времени возрастал: за XVI - XVII вв. количество иностранных книг о нашей стране составило 237 наименований⁴.

В 1553 г. после "открытия" Московии экспедицией Ричарда Ченслера и установления экономических и дипломатических отношений между Англией и Московским государством в нашу страну зачастили не только купцы и дипломаты, но и различные специалисты (медики, военные, промышленники, ремесленники и прочие), а также деятели культуры и обычные

путешественники с Британских островов. Многие из них оставили воспоминания о визите в России, благодаря чему наши современники могут судить об их впечатлении. Сочинение К. Аддамса "Открытие Московского королевства", книги дипломатов Дж. Горсея и Дж. Флетчера, а также сборник "Главнейшие плавания, путешествия, сношения и открытия, совершенные английской нацией", в котором содержались описания путешествий Т. Рандольфа, Э. Дженкинсона и Дж. Боуса, являлись главными источниками британских "визитеров" в нашу страну в XVI веке. В XVII в. в Англии увидели свет еще ряд работ о России: "Сообщение о трех посольствах" графа Карлайла в 1663 - 1664 гг.; "Мемуары лекаря царя Алексея Михайловича С. Коллинса"; "Краткая история Московии" Дж. Мильтона. Не случайно А. Мейендорф заключал: в Англии было больше трудов о России, чем в самой России⁵.

Итак, какой представлялась Россия англичанам в XVI - XVII столетиях? Наиболее подробную картину российской жизни последней трети XVI в. представил Джильс Флетчер в книге "О государстве Русском" (1591 г.). Английский дипломат прибыл в Россию в качестве посланника королевы Елизаветы к царю Федору Иоановичу в ноябре 1588 года. Ему было поручено вести переговоры с московским правительством по вопросу о предоставлении Московской компании монополии на беспошлинную торговлю. Миссия Флетчера не увенчалась успехом, а потому летом 1589 г. он покинул Россию, "немало раздраженный против московского правительства". И, как отмечал издатель русского перевода труда Флетчера князь Н. В. Голицын, "следы этого раздражения сказались и на книге его, так что Московская английская компания, опасаясь, как бы это сочинение, попав в Москву, не оскорбило русское правительство и не вызвало неудовольствия его против всех англичан, торговавших с Россией, просило министра Сесия запретить книгу, что и было исполнено"⁶.

Как бы то ни было, но книга Флетчера со временем получила широкую известность и в Англии, и в России, сделавшись заметным явлением в историографии. Автор - доктор права, сумел осветить многие стороны российской действительности XVI века. Историко-географические и климатические условия, природные богатства, крупные города, система государственного правления, взаимоотношения церкви и царской власти, наконец, быт и нравы русских людей - все это нашло свое отражение на страницах книги Флетчера.

Англичанин отмечал значительные территориальные просторы Русского государства, подчеркивая: "Вся страна занимает большое пространство в длину и ширину". Почва в большинстве мест "весьма плодородная и страна приятная: в ней много пастбищ, хлебородных полей, леса и воды в большом

изобилии"⁷. Говоря о климате, он удивлялся суровости зимы, которая "продолжается обыкновенно пять месяцев", "все бывает покрыто снегом, который идет беспрестанно", "реки и другие воды замерзают". Ко всему прочему, продолжал Флетчер, "когда зима очень сурова, людей досаждают голодные звери: медведи и волки. Они стаями выходят из лесов, нападают на селения и опустошают их, тогда жители принуждены бывают спасаться бегством". Совсем иная картина представляется летом. "Все принимает совершенно другой вид: леса (большей частью сосновые и березовые) так свежи, луга и нивы так зелены, ... такое множество разнообразных цветов и птиц, ..., что трудно отыскать другую страну, где бы можно было путешествовать с большим удовольствием", - заключал Флетчер⁸.

Англичане, посещавшие нашу страну, нередко обращали внимание на то, что произрастало и

производилось в России, или, по выражению Флетчера, являлось "естественными произведениями". Дипломат упоминал многие виды плодов (яблоки, груши, сливы, вишня, дыни, огурцы, арбузы, малина, земляника, брусника), подчеркивая, что все это произрастает в каждом лесу и огороде. Злаковые культуры (пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо) имеются "в весьма достаточном избытке". "Естественных произведений" в России, на взгляд Флетчера, "очень много и они весьма важны". Их употребляют сами жители, а также отправляют в большом количестве за границу "для обогащения казны царской и народа". К числу "естественных произведений" он причислял, прежде всего, меха: черно-бурые лисьи, собольи, рысьи, куньи, горностаевые, беличьи, бобровые. Этот товар высоко ценится во многих странах и, как вспоминал англичанин, однажды заморские купцы вывезли из России мехов на 400 или 500 тыс. рублей⁹. Не менее важными товарами, идущими на экспорт, являлись воск, мед и сало. Важную отрасль промышленности составляли также выделка лосиных и коровьих кож, а также ворвань, или рыбий жир.

Перечисляя экспортируемые из Московского государства товары, Флетчер уточнял, в каких районах они производятся. К примеру, лен растет почти в одной только Псковской области и ее окрестностях, а пеньку поставляют Смоленск, Дорогобуж и Вязьма. Не обошел своим вниманием он также процесс изготовления ворвани, напоминая, что "лучшая и очищенная ворвань продается и употребляется на смазывание шерсти для сукон, а из худшего сорта... делается мыло"¹⁰.

В список "естественных произведений" у Флетчера попала икра из белуги, осетра, севрюги и стерляди, которую в большом количестве купцы французские и нидерландские, "отчасти и английские" отправляли на Запад. Особенно много икры приобретали Италия и Испания. Во многие страны и в большом количестве вывозилась из Московского государства соль. Лучшая соль, на взгляд англичанина, производилась в Старой Русе. Предметом русского экспорта являлся также деготь, который гнали в большом количестве из сосновых деревьев. Менее значительным товаром считалась рыба (моржовая) кость, которую также продавали за границу, чаще всего "персиянам и бухарцам", изготавливавшим из нее четки, ножи, сабельные рукоятки и прочие предметы. В Карельской области и на реке Двине добывали слюду, которую использовали вместо стекла. Упомянул английский посланник и о железе, подчеркнув, что его "весьма много" добывается в Карелии, Каргополе и Устюге Железном.

Совсем иную картину Русского государства в середине XVII в. представил посланник Оливера Кромвеля - У. Придо. Наша страна казалась ему обширной, но малонаселенной, со слабо развитой промышленностью. "Если бы эта страна была населена как Англия, и жители так же занимались про-

мышленностью, как англичане, - писал в своих донесениях в Лондон посланник, - то царь имел бы 5 долларов дохода там, где он имеет теперь один"¹¹. Конечно, в том, что Россия уступала Англии в промышленном развитии, Придо был прав. Однако было бы неверным отрицать значительные технические достижения в развитии ряда отраслей промышленности, начиная с середины XVI в., о чем подробно писали А. А. Зимин и А. Л. Хорошкевич¹².

Особое внимание англичане уделяли описанию богатого животного мира России. Перечисляя животных (лось, олень, медведь, россомаха, рысь, бобр, соболь, лисица, куница, белка, заяц), Флетчер подметил ряд особенностей. К примеру, он считал, что "диких оленей и коз весьма

много"; "лошади малорослы, но очень быстры на бегу и сносны, на них ездят без подков зимой и летом по всякой дороге"; "птицы очень разнородны: много ястребов, есть орлы, кречеты, соколы, коршуны" ¹³.

С большим интересом английские путешественники отнеслись к городам и их архитектурному убранству. Мореплаватель Климент Адаме посетил Московское государство в 1553 - 1554 годах. Москва ему показалась по своей величине равной Лондону, с предместьями. "Строений, хотя и много, но без всякого сравнения с нашими, - констатировал Адаме, - улиц также много, но они некрасивы и не имеют каменных мостовых; стены зданий деревянные, на крыши употребляется дрань" ¹⁴.

Спустя несколько лет, в 1557 - 1558 гг. в Москву прибыл купец и дипломат Антоний Дженкинсон. Он также отметил, что столица Московского государства - большой город, дома в нем "большей частью деревянные и лишь немногие выстроены из камня с железными окнами (вероятно, он имел ввиду железные решетки на окнах. - *Т. Л.*), служащими для летнего времени. В Москве много прекрасных каменных церквей, - продолжал Дженкинсон, - но еще больше деревянных, отапливаемых зимой" ¹⁵.

В XVII в. придворный врач царя Алексея Михайловича С. Коллинс отмечал: Москва занимает "очень большое пространство, обнесенное тремя стенами, кроме той стены, что окружает императорский дворец (Кремль)". И далее он подробно описывал, как устроены эти укрепления: "Внутренняя стена красного цвета и сложена из кирпича; вторая - белая; третья - деревянная и набита землею. Последняя имеет около 15 или 16 миль в окружности, и выстроена была в четыре или пять дней по случаю приближения крымских татар. В ней бревен столько, что можно выстроить из них ряд лондонских тонкостенных домиков в 15 миль длины" ¹⁶.

Примечательно, что англичане не только описывали архитектурное убранство городов, но и проявляли явный интерес к их оборонительным сооружениям. Например, Флетчер обратил внимание на те города (Псков, Смоленск, Казань, Астрахань), которые являлись пограничными, а потому были хорошо укреплены. По своему местоположению они "далеко превосходят прочие". Понравился ему Ярославль, что значит, "красивый или славный берег". Прочие города, на взгляд Флетчера, не заслуживали внимания, поскольку "не имеют ничего замечательного, кроме некоторых развалин в их стенах".

Между тем, некоторые англичане все же удостоили вниманием и другие города. К примеру, Дженкинсон описывал "большой город" Вологду, среди которой протекает река, "дома построены из еловых бревен, соединенных вместе и закругленных снаружи; они квадратной формы, без каких-либо железных или каменных частей, крыты берестой и лесом поверх ее. Все... церкви деревянные, по две на каждый приход: одна, которую можно отапливать зимою, другая - летняя" ¹⁷. Описания Пскова оставил шотландский офицер

Патрик Гордон. В 1661 г. на пути в Москву он проезжал Псков, который, на его взгляд, "являл собою изумительное зрелище, будучи окружен каменной стеной со множеством башен. Здесь много церквей и монастырей, - продолжал Гордон, - одни с тремя, другие с пятью шпилями или башнями, на коих круглые купола по 6, 8 или 10 сажен в окружности, крытые жестью или дощечками, а сверху - крытые тем же, огромные кресты, что составляет великолепный вид; один

из куполов, самый большой, позолочен" ¹⁸.

Более всего внимание англичан привлекал московский Кремль. Одним из первых его описал Дженкинсон. "Царь живет в прекрасном большом квадратной формы замке с высокими и толстыми кирпичными стенами, расположенном на холме". В окружности замок имеет 2800 шагов. В его стенах 16 ворот и столько же бастионов. Царский дворец отделен от остальной части замка длинной стеной. Английский путешественник отметил, что внутри Кремля располагались "главные рынки, где торгуют всем". Для продажи некоторых товаров отведены особые рынки: "для каждого ремесла отдельно". Зимой большой торг устраивают за стенами замка "на замерзшей реке, где продают хлеб, глиняные горшки, кадки, сани и тому подобное" ¹⁹.

В XVII в. московский Кремль претерпел заметные изменения. Об этом можно судить по записям Коллинса. "Дворец императорский построен из камня и кирпича, - писал он, - обнесен высокой кирпичной стеной, заключающий в себе вдвое больше пространства, нежели... в окружности Тауэра. За этой стеною находятся 24 церкви, очень живописные по своим позлащенным главам и большим крестам, которыми большая часть (церквей) украшена. Высокая башня называется Иваном Великим, построена (царем) Иваном Васильевичем; она служит колокольнею и на ней 50 или 40 колоколов. Глава этой башни позлащена, сама же она выстроена из кирпича и камня и вышиною равняется с башнею Святого Марка в Венеции" ²⁰. Обращаясь к московским строениям, Коллинс подчеркивал, что каменные дома имели только высокопоставленные лица: князь Яков Черкасский; бывший воспитатель царя Б. И. Морозов; управляющий меховой промышленностью князь Алексей; глава войска М. Трубецкой; тесть царя И. Д. Милославский; князь И. В. Одоевский.

Население России, в том числе и городское, проживало, как известно, в деревянных домах. Одним из первых подобные строения описал К. Адаме. "Дом в Московии строят из еловых бревен", - констатировал путешественник, а далее подробно объяснял, каким образом это происходило: "В нижней перекладине вырубает желобок, в который верхнее бревно входит так плотно, что ветер никак не продует, а для большей предосторожности между бревнами кладут слой мху..." ²¹. О жилищах русских людей поведал и Флетчером русских людей "деревянные, без извести и камня, построены весьма плотно и тепло из сосновых бревен, которые кладутся одно на другое и скрепляются по углам связями... Каждый дом имеет лестницу, ведущую в комнаты со двора или с улицы, как в Шотландии". Он находил объяснение деревянному строительству жилищ тем, что в каменных или кирпичных постройках "больше сырости и они холоднее". Провидение наградило русских людей лесами в таком изобилии, заключал, Флетчер, что можно построить большой дом за 20 - 30 рублей. Единственное неудобство деревянных строений он усматривал в опасности пожаров ²².

Большинство англичан, оставивших свои свидетельства о посещении России в XVI - XVII вв., не ограничивались внешними впечатлениями о стране. Их в большей степени интересовали такие вопросы, как государственное устройство России, взаимоотношения власти и народа, роль церкви в государстве, состояние армии и положение народных масс.

Форму государственного правления в "Московии" англичане единодушно признавали тиранической. "Здесь царь очень могущественен, - отмечал Дженкинсон. - Свой народ он держит в большом подчинении, все дела, как бы незначительны они ни были, выходят к нему" ²³. Наиболее подробно о форме государственного правления в "Московии" поведал Флетчер. У

русских нет "письменных законов", источником правосудия "служит закон изустный", народ несчастен и угнетен. На его взгляд, образ правления русских "весьма похож на турецкий, которому они ... стараются подражать, сколько возможно". Англичанин не сомневался, что правление в России направлено "к пользе и выгодам одного царя", а дворяне и простолюдины угнетаются. Все, что наживается этими последними, по выражению Флетчера, "классами", "рано или поздно переходит в царские сундуки"²⁴. Далее он перечислял главные "пункты или статьи", включенные в понятие "самодержавного правления". Это издание и уничтожение законов, определение правительственных лиц, право объявлять войну и заключать союзы с иностранными державами, право казнить и миловать, а также изменять решения по гражданским и уголовным делам. Все эти функции принадлежат царю и "состоящей под ним Думе". Таким образом, московский царь является одновременно верховным правителем и исполнителем законов. Флетчер подчеркивал, что большую поддержку самодержавию оказывает духовенство, которое знает, что "суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его". Другим важным обстоятельством, способствующим укреплению самодержавия, является назначение чиновников на все должности в государстве, включая судейские, самим царем. Апелляция и прощение преступников также всецело зависят "от воли и милости царской"²⁵.

Обращаясь к истории царствования русских государей, Флетчер приводил примеры, свидетельствующие о проявлении их самодержавного правления. Например, Иван Грозный, чтобы показать власть над жизнью подданных, во время прогулок или поездок "приказывал рубить головы тех, которые попадались ему навстречу, если их лица ему не нравились, или когда кто-нибудь неосторожно на него смотрел. Приказ исполнялся немедленно, и головы падали к ногам его"²⁶. Флетчер вспоминал историю создания опричнины Грозным, подчеркивая, что "свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судебными местами или законом (продолжавшаяся семь лет), послужила к обогащению первой партии (опричников. - *Т. Л.*) и царской казны и, кроме того, способствовала к достижению того, что он (царь) имел при этом ввиду, то есть к истреблению дворян, ему ненавистных, коих в одну неделю и в одном городе Москве было убито до трехсот человек"²⁷. Подобные высказывания Флетчера о правлении Грозного вызывают сомнения в их достоверности, поскольку англичанин попал в Москву уже после кончины Ивана IV, а потому подобных жестоких сцен попросту не мог видеть.

Более достоверными выглядят высказывания Флетчера о Борисе Годунове. Английский посланник подметил непростую ситуацию, сложившуюся в "Московии", когда Годунов и его родственники "правят и царем, и царством", стараясь "всеми мерами истребить или унижить все знатнейшее и древнейшее дворянство". По сути дела, приходил к заключению Флетчер, "все дела обсуждаются и решаются ... братом царицы с пятью или шестью другими лицами, коих заблагорассудится ему призвать"²⁸.

О Борисе Годунове немало писал и Дж. Горсей. "Ласкатель англичан" Годунов все более укреплял свои позиции при дворе, становился все более могущественным и захватывал все большую власть, угнетая, подавляя и убирая постепенно самую значительную и древнюю знать, которую ему удалось

отстранить и истязать безнаказанно, чтобы его боялись и страшились"²⁹. Вероятно, поэтому, констатировал Горсей, Годунова в народе прозвали "тираном-душегубцем". Английский посланник вспоминал, "какую ненависть возбудил в сердцах и во мнении большинства князь-

правитель, которым его жестокости и лицемерие казались чрезмерными" ³⁰.

Если в оценках деятельности Годунова Горсей и Флетчер были единодушны, то Иван Грозный был воспринят ими не столь однозначно. В то время, как Флетчер, не будучи лично знаком с Грозным, воспринимал царя исключительно негативно и описывал "ужасы" его правления, коих сам не наблюдал, то Горсей оказался более объективным в оценках. Хотя Горсей считал Ивана Грозного "хитрым", "жестоким", "кровожадным", управлявшим государством "по своей воле и разумению", но в то же время он сумел подметить немало положительных перемен, свершившихся в стране за время правления этого царя. Грозный "расширил значительно свою державу во всех направлениях и этим укрепил ... многочисленную страну, ведущую обширную торговлю и обмен со всеми народами, ... в результате не только увеличились его доходы, но сильно обогатились его города и провинции" ³¹. В то время, как Флетчер указывал на отсутствие писаных законов в Московском государстве, Горсей, напротив, подчеркивал, что именно Грозный "уменьшил неясности и неточности" в законодательстве и судебных процедурах. Царь ввел "наиболее удобную и простую форму письменных законов, понятных и обязательных для каждого". И теперь любой житель Московии, продолжал Горсей, мог вести свое дело "без какого-либо помощника, а также оспаривать незаконные поборы в царском суде без отсрочки" ³². Судя по всему, имеется в виду судебная реформа и Судебник 1550 г., принятый по указу Ивана Грозного.

Горсей обращал также внимание на политику Ивана IV в сфере религии: он "установил и обнародовал единое для всех вероисповедание, учение и богослужение в церкви", ведущее начало от греческой церкви. Что же касается господствующего во всей Европе учения папы римского, то его царь рассматривал как "самое ошибочное из существующих в христианском мире", угождающего "властолюбию папы", выдуманное с целью сохранения верховной иерархической власти последнего. Грозный был изумлен тем, продолжал Горсей, что отдельные христианские государи признают верховенство папы, а также приоритет церковной власти над светской.

К достижениям политики Ивана Грозного Горсей относил его вклад в военное дело: "Царь построил 155 крепостей в разных частях страны, установив там пушки и поместив военные отряды". В градостроении также была заметна деятельность Грозного. Он выстроил на пустующих землях 300 городов и реставрировал "крепкую, обширную, красивую стену из камня вокруг Москвы, укрепив ее пушками и стражей" ³³. Как видно, Горсей дал более объективную характеристику деятельности Ивана Грозного, нежели Флетчер.

Англичане оставили свои впечатления не только о характере царской власти и наиболее ярких фигурах на русском престоле. Своим вниманием они не обошли такие органы власти, как Земской собор и Дума. В главе книги "О заседаниях Земского собора" Флетчер детально описал структуру данного учреждения и процедуру его заседаний. "Самое высшее учреждение для публичных совещаний по делам государственным называется собором, то есть общественным собранием", - писал Флетчер. Далее он перечислял его участников: царь, 20 приближенных царских советников и 20 представителей высшего духовенства. Англичанин подчеркивал, что ни горожане, ни другие представители народа в это собрание не допускались" ³⁴. Флетчер подробно освещал процедуру заседаний Земского собора. Как правило, они при-

рассаживались в определенном порядке. По одну сторону зала на троне восседал царь. Неподалеку от него за небольшим четырехугольным столом рассаживались представители духовенства: патриарх, митрополиты, епископы, а также два секретаря - "думные дьяки". Остальные садились на скамьи вдоль стены зала, причем каждый занимал место, соответствующее его званию. После того, как секретарь объявлял вопрос, вынесенный на рассмотрение собора, первыми должны были высказаться по нему представители духовенства. Флетчер подчеркивал, что "эти мнения их бывают всегда однообразны и произносятся без всякого рассуждения, как бы затверженный урок". И далее, с долей иронии, англичанин продолжал: "На все дела у них один ответ, которого обычное содержание то, что царь и Дума его премудры, опытыны в делах политических и общественных и гораздо способнее их судить о том, что полезно для государства, ибо они занимаются только... предметами, относящимися до веры, и потому просят их самим сделать нужное постановление, а они... будут вспомоществовать им молитвами". После подобных заявлений кто-нибудь из архимандритов, который "посмелее других" (по мнению Флетчера, такой "смельчак" готовился заранее), вставал и просил царя, чтобы тот изволил объявить им собственное мнение. От имени царя думский дьяк отвечал, что Его Величество нашел, что "предложенное дело весьма хорошо и полезно для государства". На этом заседание собора завершалось, и царь приглашал духовенство на парадный обед³⁵.

В одной из глав книги Флетчер коснулся также Боярской Думы. Те бояре, которые входят в Тайный совет царя, "ежедневно находятся при нем для совещания по делам государства", называются думными боярами, а их собрания Боярской Думой, разъяснял читателям Флетчер. Затем он перечислял имена тех бояр (всего тридцать одного), которые входили в ее состав. Свой список англичанин начинал с князей Ф. И. Мстиславского, И. М. Глинского, В. И. Шуйского-Скопина. При этом Флетчер отмечал, что все трое "более знатны родом, нежели замечательны по уму, и потому... назначены больше для того, чтобы сообщить месту почетность и делать честь своим присутствием, нежели для советов". Умнее многих бояр англичанин считал князя Шуйского. Остальных членов Думы он оставил без комментариев, хотя в списке явно бросалась в глаза фамилия Годуновых: вместе с Борисом таковых насчитывалось еще пятеро, доводившихся ему близкими родственниками.

Процедура заседаний Думы отличалась от собраний собора. Как правило, заседания Боярской Думы происходило с 7 часов утра три раза в неделю, понедельник, среду и пятницу. Кроме государственных дел, разбирались многие частные, "поступающие по просьбам в большом числе". Флетчер полагал, что оба учреждения объединяли верноподданнические чувства и пассивность их членов. Он отмечал: "На совете приходится им более слушать, нежели подавать мнения, как они в самом деле и поступают"³⁶.

Противоречивыми были высказывания англичан о законодательстве и судебной системе русского государства. Большинство британцев отмечало отсутствие письменных законов в стране. "Письменных законов у них (русских) нет, кроме одной небольшой книги, в коей определяются время и образ заседаний в судебных местах, порядок судопроизводства, - подчеркивал Флетчер, - но нет вовсе правил, какими могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дело правым или неправым. Единственный у них закон есть закон изустный, т.е. воля царя, судей и других должностных лиц"³⁷. На недостаток писаных законов указывал также Коллинс, подчеркивавший, что "решения судов обыкновенно бывают произвольные", а недостаток законов замещается "обыкновениями", но всего сильнее действуют деньги. Даже

и он даже высказывал пожелание, чтобы "англичане взяли с русских судов пример в скорости решений". Примечательно, что англичанин обнаружил общий "изъян" в судебной системе Англии и России: взяточничество судей³⁸.

Характеризуя русскую судебную систему, Флетчер и Коллинс были единодушны в признании жестокости наказаний (смертная казнь через повешение, обезглавление, утопление, сажание на кол и т.п.). Оба англичанина упоминали о применении пыток (подвешивание на дыбе, сечение кнутом, членовредительство, испытание огнем)³⁹. Между тем, первый англичанин, прибывший в Московию, Ричард Ченслер отзывался о судопроизводстве при Иване Грозном положительно. Хотя он и признавал, что у русских нет специалистов - законников, которые бы вели свое дело в судах, однако само "судопроизводство достойно одобрения". Ченслер полагал, что в чем-то русская система превосходит английскую судебную систему. "Каждый сам ведет свое дело и свои жалобы и ответы подает в письменной форме, в противоположность английским порядкам. Жалоба подается в форме челобитной на имя великокняжеской милости, ... и содержит просьбу о правосудии... Великий князь (царь) постановляет решения ко всем вопросам права. Конечно, достойно похвалы, что такой государь берет на себя труд отправления правосудия"⁴⁰. На взгляд Ченслера, русские законы о преступниках и ворах отличались меньшей жестокостью, нежели английские. Человека, впервые совершившего преступление, в Московском государстве не казнят, но лишь держат в тюрьме, "пока его друзья не возьмут его на поруки". Пойманный вторично вор или мошенник наказывается более строго: ему "отрезают кусок носа, выжигают клеймо и держат в тюрьме, пока он не найдет поручителей в своем добром поведении". И только пойманный в третий раз преступник подвергается казне через повешение⁴¹.

Оценки англичан судебной системы и законодательства Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII в. не всегда отличались объективностью, поскольку нередко основывались на рассказах других иностранцев, побывавших ранее в России, либо местных жителей, с которыми они общались. Не все британцы знали русский язык, а значит и не могли ознакомиться с письменными законами. Отсюда проистекали их субъективные, порой и ошибочные оценки. Вместе с тем, критический взгляд "стороннего наблюдателя" позволял англичанам нередко подметить особые тонкости, специфику русской жизни. К примеру, Флетчер сумел выявить социальную направленность русского законодательства. Перечисляя различные жестокие виды наказаний, он отмечал, что все они распространяются исключительно на простолюдинов. "Что же касается до лиц дворянского сословия, ... то их не так тяжело наказывают или даже вовсе не призывают к ответу, - подчеркивал англичанин. - Если какой-либо сын боярский или дворянин военного звания совершит убийство, или что украдет, то иногда посадят его в тюрьму, по усмотрению царя; но если уже слишком известно, каким образом сделано им преступление, то его может быть, высекут, и этим обыкновенно ограничивается все наказание". Боярин или дворянин не несут никакой ответственности даже за убийство в случае, если жертвой является холоп, или крепостной, "над жизнью которого господин имеет полную власть". Самое большое наказание за подобный поступок - выплата незначительного штрафа в пользу царя, "так что суд имеет дело скорее с кошельком, нежели с противозаконным действием"⁴².

Большое внимание англичане уделяли рассмотрению вопроса о православной религии и роли церкви в жизни Московского государства. Одним из

изображений, но только писанные", к которым они относятся "с таким идолопоклонством, о каком в Англии и не слыхали". Себя они считают "святей нас". Иностранцы для них - "полухристиане" и подобны туркам. Между тем, во время службы прихожане ведут себя вольно: "Когда священники читают (проповеди), то ... их никто не слушает... Народ сидит, и люди болтают друг с другом"⁴³.

Агент Кромвеля У. Придо подчеркивал: хотя русские и исповедуют греческую веру, но в некоторых обрядах отличаются от настоящих греков. "Они очень суеверны и невежественны", - заключал посланник. Причину тому он усматривал в нежелании царя "по политическим соображениям" просвещать своих подданных⁴⁴.

О православной религии и привязанности к ней русских писал и Коллине. Он отмечал, что в архитектуре церквей русские подражают, "хотя и неудачно", грекам. Главное украшение церквей - это иконы, осыпанные драгоценными камнями и жемчугом. Впрочем, на его взгляд, иконописание также "самое безобразное и жалкое подражание греческой живописи". Римский обычай молиться статуям, равно как и органную музыку в храме русские почитают за "идолопоклонство". Они строго соблюдают посты. Коллинса поразило, что русские считают церковь оскверненной, если иностранец войдет в нее. Они "омывают полы после такого осквернения и заставляют иностранцев креститься на русскую веру, или убивают за их неблагодарность"⁴⁵. Трудно сказать, чем руководствовался английский медик, утверждая подобное. Во всяком случае, источников, подтверждавших случаи расправы с иноверцами, нам не встречалось.

Судя по приведенным высказываниям англичан, все они больше внимания уделяли церковным обрядам и описанию убранства православных храмов, нежели рассмотрению сущности самой религии, либо роли церкви в жизни российского государства. Пожалуй, только Флетчер, в свойственной ему критической манере, сумел подметить важнейшее предназначение церкви - служить опорой монарху. Пользуясь суеверием народа, который считает "святым и справедливым все, что ни сделано с согласия их епископов и духовенства", цари потворствуют последним "чрезвычайными милостями и привилегиями", ибо знают, что "суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его"⁴⁶.

Признавая зависимое положение духовенства от царя ("духовенство, как в отношении своих поместий и доходов, так и в отношении своей власти и юрисдикции, находится совершенно в руках и управлении царя"), Флетчер в то же время отмечал, что доходы священнослужителей "довольно значительны". Ежегодный доход патриарха только с поместий составляет до 3000 руб., архиепископов и митрополитов - до 2500 руб., епископов - от 500 до 1000 рублей. Встречались и исключения. "Как сказывали мне", - писал Флетчер, митрополит Новгородский 10 - 12 тыс. руб. в год. Англичанин поражался богатству одеяний высшего духовенства, особенно тех, что предназначались для торжественных случаев: митра на голове, осыпанная жемчугом и драгоценными камнями, риза, обыкновенно, из золотой парчи, "изукрашенная жемчугом, и жезл в руке, отделанный густо вызолоченным серебром, с крестом на верхнем конце"⁴⁷. Что же касается низшего духовенства - приходских священников, то их жалованье, отмечал Флетчер, зависело от "усердия" прихожан и состояло из доходов от молебнов, исповедей, браков, похорон и панихид. Такие приношения составляли доход в несколько десятков фунтов в год. Кроме того, священники ходят по домам своих прихожан со святой

водой и курениями, за что получают плату, "смотря по достатку хозяина". Все вместе составляет от 30 до 40 руб. в год, причем десятую часть дохода священник должен выплачивать епископу своей епархии.

Англичане обратили внимание на большое количество монастырей в государстве. "В Москве, - отмечал Адаме, - весьма много иноческих обителей (монастырей), у которых столько земли, что третья часть полей империи принадлежит им" ⁴⁸. О "бесчисленном множестве" монашествующих в России упоминал также Флетчер. На его взгляд, количество монахов в Московском государстве значительно превышало их число в католических странах. Высказываясь критически в адрес католических монахов, которые добиваются влияния "посредством суеверия и лицемерия", Флетчер в то же время сумел выявить причины увеличения монашествующих в Московском государстве. "Число монахов тем более значительно, - писал он, - что они размножаются не только от суеверия жителей, но и потому, что монашеская жизнь наиболее отстранена от притеснений и поборов, падающих на простой народ, что и заставляет многих надевать монашескую рясу, как лучшую броню против таких нападений". Вторую категорию обитателей монастырей составляли те, которых принуждали постричься в монахи вследствие какой-либо царской опалы. К их числу, как верно заметил Флетчер, принадлежали представители знатного дворянства ⁴⁹. На взгляд Коллинса, монахи и монахини в России "не так строго следуют своему званию, как римско-католические. Им дозволяется торговать солодом, хмелем, хлебом, лошадьми, рогатым скотом и всем, что приносит им выгоды" ⁵⁰.

Важное место в государстве, как известно, занимает армия. Англичане во время визитов в Россию не обошли вниманием состояние русского войска. Первым дал характеристику вооруженным силам "Московии" Ченслер. На его взгляд, на поле боя русские воюют "без всякого строя". Они с криком бегают, почти никогда не дают сражений, предпочитая действовать только украдкой. Вместе с тем, он был поражен силой духа русских воинов, их умением стойко переносить тяготы полевой жизни. Ченслер не скрывал своего восхищения. "Я думаю, что нет под солнцем людей столь привычных к суровой жизни, как русские. Никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд. Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды - это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около него... Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, - продолжал англичанин, - ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления". Пища солдата - овсяная мука, смешанная с холодной водой. Его конь стоит в открытом поле без крова и, тем не менее, служит хорошо. "Я спрашиваю вас, - обращаясь к своим читателям Ченслер, - много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы только месяц. Я не знаю страны, ..., которая могла бы похвалиться такими людьми... Если бы русские знали свою силу, никто бы не смог соперничать с ними, а их соседи не имели бы покоя от них", заключал Ченслер ⁵¹. На его взгляд, русским воинам не хватало только обучения "строю и искусству цивилизованных войн".

С подобной высокой оценкой морального духа и выносливости русских воинов соглашался и Флетчер. "Если бы русский солдат с такой же твердостью духа исполнял те или другие предприятия, с какой он переносит нужду и труд, или столько же был бы способен и навычен к войне, сколько равно-

душен к своему помещению и пище, то далеко превосшел бы наших солдат", признавал англичанин. Не ограничиваясь лишь эмоциональными впечатлениями, Флетчер представил подробный анализ состояния вооруженных сил Московского государства конца XVI века. "Каждый воин в России есть дворянин, и нет иных дворян, кроме военных, на коих такая обязанность переходит по наследству от предков, так что сын дворянина не занимается ничем другим кроме военной службы", - отмечал Флетчер. Согласно его подсчетам, численность русского войска составляла 80 тыс. всадников и 12 тыс. пехоты (стрельцов).

Англичанин подробно освещал вопросы формирования войска, а также его командного состава, останавливаясь на размерах жалованья. Старший военачальник, или генерал-лейтенант, он же Большой воевода подчинялся непосредственно царю. Как правило, на эту должность избирали из четырех главных дворянских домов, и чаще всего выбор делался, на взгляд Флетчера, "не по степени храбрости или опытности в делах воинских", а по знатности рода. Всадники делились на три разряда, или степени ("дворяне большие", "дворяне средние" и "дети боярские"), в соответствии с чем и получали жалованье. Первый разряд ежегодно имел от 70 до 100 руб., второй разряд - от 50 до 60 руб., третий - от 20 до 30 рублей. Между тем, денежное жалованье всадники получали "сверх земель, приписанных к каждому из них, как к старшим, так и к младшим, сообразно степеням". У кого был наименьший земельный надел, тот мог рассчитывать на ежегодную денежную "прибавку" в 20 рублей. Что касается пехотинцев - стрельцов, то им платили ежегодное жалованье в 7 руб., а также выделяли по 12 мер ржи и овса⁵².

Флетчер указывал на наличие в пехоте наемников (около 4300 человек), среди которых были поляки, турки, датчане, шведы, а также голландцы и шотландцы. Рассказывал он и о вооружении русских воинов. "Вооружение ратников весьма легкое. У простого всадника нет ничего, кроме колчана со стрелами под правой рукой и лука с мечом на левом боку". У некоторых воинов имелись кинжалы, или небольшое копье, висящее на боку лошади. Начальство обзаводится латами. Стрельцы вооружены самопалом ("весьма тяжелым"), бердышом на спине и мечом⁵³.

Примечательно, что никто из англичан не упомянул об артиллерии. Между тем, как отмечали современные исследователи эпохи Ивана Грозного, она широко использовалась в восточных и западных походах царя. В самом городе вплоть до 1565 г. находились пушки "Сокол" и "Львиная голова"⁵⁴. Зато англичане с упоением описывали богатое убранство военачальников. "Военачальники, - писал Флетчер, - в щегольской броне, называемой булатной, из прекрасной блестящей стали, сверх которой обыкновенно надевают еще одежду из золотой парчи с горностаевой опушкой; на голове у них дорогой стальной шлем, сбоку меч, лук и стрелы, в руке копье с прекрасным нарукавником". Их лошади "покрыты богатою сбруей, седла из золотой парчи, узды также роскошно убраны золотом, с шелковой бахромой, и унизаны жемчугом и драгоценными камнями"⁵⁵.

Не забыл Флетчер упомянуть и о съестных припасах русских воинов. Он отмечал, что "царь не дает никакого продовольствия ни начальникам, ни нижним чинам". Поэтому каждый воин обязан иметь с собой провиант. Как правило, в поход берут сухари, иногда сушеное мясо, или рыбу. Англичанин подчеркивал, что "главные начальники" устраиваются лучше своих воинов, возят с собой палатки и имеют лучшие продовольственные запасы.

Насколько объективными были оценки англичан о государственном устройстве Московского государства в XVI - XVII веках? Данный вопрос затра-

гивал В. О. Ключевский в "Сказаниях иностранцев о Московском государстве", а также другие ученые XX столетия. Судя по их высказываниям, все, что касалось оценок климатических, природных условий, а также занятий населения России, то они были вполне достоверными. "Внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона, - отмечал А. Н. Медушевский, - вот что с наибольшей полнотой и верностью мог описать посторонний наблюдатель". В то же время, продолжал он, и в этой области остается еще много "неточных, сбивчивых показаний"⁵⁶. Объяснялось это, прежде всего, незнанием русского языка. Немногие британцы (Дж. Флетчер, Дж. Горсей, С. Коллинс) владели им, а потому чаще всего пользовались сочинениями прежних путешественников по Московии. Отсюда у англичан встречается много заимствований из трудов С. Герберштейна и Олеария. Однако главным источником, из которого черпали англичане сведения о Московском государстве, конечно же, служили их собственные наблюдения. И оттого, насколько осведомлен был сторонний наблюдатель о государственной и общественной жизни Московии, насколько близко входил в соприкосновение с государственными деятелями, придворными, чиновниками и простыми людьми, во многом зависела полнота и объективность его оценок. Не последнюю роль играла также продолжительность визита, т.к. многое узнать о жизни другого народа за короткий промежуток времени, невозможно. Таким образом, полностью полагаться на свидетельства англичан о государственной и общественной деятельности Московии вряд ли допустимо, хотя иностранные известия остаются важным материалом для изучения истории нашей страны.

Примечания

1. ЕРОФЕЕВ Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1835 - 1853. М. 1982, с. 21.
2. CROSS A. Britain Looks at Russia: the Origins, Persistence and Modification of National Stereotypes (from the Sixteenth Century to the Crimean War). - Британия: история, культура, образование. Тезисы докладов международной научной конференции 28 - 29 мая 2008 г. Ярославль. 2008, с. 21 - 22. _
3. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991, с. 5.
4. ЕРМАСОВ Е. В. Образ "русского варварства" в сочинениях немецких публицистов XVI - первой половины XVIII в. - Европейское Просвещение и цивилизация России. М. 2004, с. 27.
5. МЕЙЕНДОРФ А. Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России. - Сборник статей, посвященных П. Б. Струве. Прага. 1925, с. 307.
6. ГОЛИЦЫН Н. В. Предисловие к кн.: ФЛЕТЧЕР Дж. О государстве Русском. М. 2002, с. 5.
7. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 17, 18.
8. Там же, с. 18 - 19.

9. Там же, с. 22 - 23.
10. Там же, с. 24 - 25.
11. Цит. по: АРХАНГЕЛЬСКИЙ СИ. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой. - Исторические записки АН СССР. 1939, N 5, с. 127 - 128.
12. ЗИМИН А. А., ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М. 1982, с. 21 - 22.
13. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 26 - 27.
14. АДАМС К. Английское путешествие к москвитам. В кн.: Иностранцы о древней Москве (Москва XV - XVII веков). М. 1991, с. 38.
15. ДЖЕНКИНСОН А. Путешествие из Лондона в Москву. В кн.: Иностранцы о древней Москве..., с. 45.
16. КОЛЛИНС С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. В кн.: Иностранцы о древней Москве..., с. 331.
17. ДЖЕНКИНСОН А. Ук. соч., с. 42 - 43.
18. ГОРДОН П. Дневник. 1659 - 1667. М. 2002, с. 102.
19. ДЖЕНКИНСОН А. Ук. соч., с. 45.

стр. 36

20. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 330.
21. АДАМС К. Ук. соч., с. 42.
22. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 29 - 32.
23. ДЖЕНКИНСОН А. ук. соч., с. 45.
24. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 13, 40.
25. Там же, с. 41 - 42.
26. Там же, с. 42.
27. Там же, с. 47.

28. Там же, с. 49, 61.
29. ГОРСЕЙ Дж. Записки о России XVI - начале XVII в. М. 1990, с. 133.
30. Там же, с. 102, 132.
31. Там же, с. 91.
32. Там же.
33. Там же, с. 92 - 93.
34. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 43.
35. Там же, с. 43 - 45.
36. Там же, с. 60 - 61.
37. Там же, с. 82 - 83.
38. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 12 - 13, 22, 4.
39. Там же, с. 22; ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 81 - 82.
40. ЧЕНСЛЕР Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском... В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. 1938, с. 62.
41. Там же, с. 63.
42. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 82.
43. ЧЕНСЛЕР Р. Ук. соч., с. 64.
44. Цит. по: АРХАНГЕЛЬСКИЙ СИ. Ук. соч., с. 127.
45. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 1, 2, 4, 9, 30.
46. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 41.
47. Там же, с. 123.
48. АДАМС К. Ук. соч., с. 42.

49. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 127.
50. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 9.
51. ЧЕНСЛЕР Р. Ук. соч., с. 60 - 62.
52. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 85, 87.
53. Там же, с. 89 - 91.
54. ЗИМИН А. А., ХОРОШКЕВИЧ А. Л. Ук. соч., с. 154.
55. ФЛЕТЧЕР Дж. Ук. соч., с. 90 - 91.
56. МЕДУШЕВСКИЙ А. Н. Введение кн.: КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1991, с. 8, 12 - 14.